

Глава 4

Когда Цянь Циня выволокли из Императорской кухни, он ещё не осознавал, какая участь его ждёт. Однако, глядя на Нин Хунжу, он инстинктивно почувствовал смертельную опасность.

Главный управляющий императорского двора — что за высокий чин! Что он забыл на Императорской кухне?

Либо во дворце что-то стряслось, либо последовал приказ Его Величества. В любом случае, вид стражников, ворвавшихся в кухню, не сулил ничего хорошего.

— Управляющий Нин, вы... вы сами пожаловали? — пролепетал Цянь Цинь.

Нин Хунжу улыбнулся:

— У Его Величества был приказ, так что я, естественно, здесь.

Дурное предчувствие в душе Цянь Циня сгущалось, улыбка на его лице стала вымученной.

— Слуга... вы могли бы просто позвать меня, к чему же... это... — он покосился на стражников, державших его под руки, и глаза его забегали.

— Держите его, — приказал Нин Хунжу. — Пусть все из Императорской кухни выйдут сюда.

Вскоре на площади перед кухней выстроились евнухи и служанки, на их лицах застыла тревога.

Весть о событиях во дворце Цяньмин ещё не дошла до них, но само появление управляющего Нина внушало трепет.

Нин Хунжу хлопнул в ладоши. Несколько стражников выволокли вперёд тучного Цянь Циня. Руки его были крепко связаны за спиной, а в рот вставлена распорка, заставляя его держать его открытым.

Жалкое зрелище.

Нин Хунжу, поигрывая маленьким ножом, с улыбкой проговорил:

— Цянь Цинь, в этой жизни главное — быть умным. Но быть слишком умным и говорить то, чего не следует, — тоже плохо.

Лезвие ножа скользнуло по уголку рта Цянь Циня.

— Слишком проворный язык ни к чему.

— Ммф, ммф!

Глаза Цянь Циня вылезли из орбит. Он пытался закричать, но из горла вырвались лишь кровавые пузыри и звериное мычание.

Будучи толстым и сильным, он попытался вырваться, но несколько человек навалились на него, не давая пошевелиться.

Мягкий кусок плоти упал на снег, алая кровью. Несколько слуг, стоявших на площади, пошатнулись и побледнели от ужаса. Нин Хунжу, не удостоив воющего Цянь Циня и взглядом, неторопливо вытер свой нож до блеска и убрал его.

— Чжу Эрсю, — позвал он худощавого евнуха, стоявшего в первых рядах. — Указ Его Величества: отныне ты — главный управляющий Императорской кухни.

В глазах Чжу Эрсю ещё стоял ужас, но при этих словах он сменился восторгом, искажившим его лицо. Он тут же рухнул на колени, кланяясь.

— Слуга принимает указ, слуга принимает указ!

Обычно дворцовые новости добирались до Северных покоев с большим опозданием. Но на этот раз весть пришла уже на следующий день.

Из Императорской кухни прислали гонца сказать, что Цзинчжэ может не приходить.

Чаншоу, оказавшийся рядом, с любопытством попытался расспросить гонца, но тот, бледный как полотно, лишь замотал головой и поспешил прочь.

— Точно что-то случилось, — нахмурился Чаншоу.

Не успел он договорить, как увидел, что Цзинчжэ направляется к выходу.

— Ты куда? — встревожился он.

— Сообщу дедушке Дэ.

Чаншоу, смекнув что к чему, тут же последовал за ним.

— Я с тобой.

Цзинчжэ не стал возражать. Они вместе вошли к Чэнь Миндэ.

Тот сидел, сжавшись, в своей комнате и вертел в руках курительную трубку, от которой исходил странный запах.

Саньшунь провёл их внутрь и молча отошёл в сторону.

Чэнь Миндэ отложил трубку и хрипло спросил:

— Вы пришли спросить о деле Императорской кухни?

— Да, да, — подхватил Чаншоу. — Всё так внезапно и странно, дедушка Дэ. Что-то случилось?

— Садитесь, — сказал Чэнь Миндэ.

Когда Цзинчжэ и Чаншоу сели, он неторопливо начал.

— Цайжэнь Лю мертва. Цянь Циню вырвали язык, он не пережил ночь и тоже скончался.

От этих нескольких слов лица Цзинчжэ и Чаншоу изменились. Чаншоу даже ахнул.

Цзинчжэ сжал губы, подавив готовый сорваться с языка вопрос.

А Чаншоу, не сдержавшись, выпалил:

— Дедушка Дэ, неужели это Его Величество?..

Чэнь Миндэ холодно усмехнулся:

— Что за жажда славы и богатства? В этом дворце всё решается в мгновение ока. Сегодня ты вознёсся до небес, а завтра — уже разбит вдребезги, без малейшего шанса на спасение.

Его ледяные слова сделали и без того морозный зимний день ещё более пронизывающим. Каждое слово было подобно острому клинку, готовому вспороть плоть.

Чаншоу, напуганный, съёжился и замолчал.

— Благодарю за наставление, дедушка Дэ, — тихо произнёс Цзинчжэ.

Голос Чэнь Миндэ смягчился, в нём появились странные нотки.

— Цзинчжэ, тебе повезло. Если бы ты сегодня отправился туда, то уже не вернулся бы. Отдохни несколько дней в Северных покоях, не выходи пока.

Говоря это, он искоса взглянул на Чаншоу.

Тот покраснел, поняв намёк.

Последние полмесяца была его очередь вместе с Хэ Е ходить за едой, но из-за холодов они всячески отлынивали, и порой Цзинчжэ ходил один.

— Я всё понял, — пробормотал Чаншоу.

Тем временем в покоях матушки Мин, расположенных неподалёку, разворачивалась иная картина.

Хэ Е помогла матушке Мин сесть, а сама бросилась к сундуку. Найдя большую пилюлю, она хотела было растворить её в воде, но матушка Мин выхватила лекарство и принялась лихорадочно его жевать.

Она давилась так, что глаза вылезали из орбит, но всё же сумела проглотить.

Хэ Е проворно принесла чай. Матушка Мин выпила несколько чашек, и, когда лекарство подействовало, ей стало легче.

Видя, что к наставнице вернулся румянец, Хэ Е со слезами в голосе проговорила:

— Матушка, вы меня до смерти напугали! Что случилось?

— Цайжэнь Лю мертва, — выдохнула матушка Мин.

Хэ Е замерла, едва не выронив чайник. Когда матушка Мин вернулась от Чэнь Миндэ, она была сама не своя, чуть не лишившись чувств.

Но такой ответ...

Цайжэнь Лю была той ниточкой, за которую матушка Мин с таким трудом уцепилась.

Эта молодая госпожа долгое время была фавориткой, и ни одна из наложниц не могла сравниться с ней ни в роскоши нарядов, ни в милости императора.

Подобное случалось и раньше.

За годы правления Цзиньюаня в гареме то и дело появлялись новые звёздочки, но они сгорали за несколько месяцев. Поэтому, видя новую фаворитку, мало кто спешил к ней примкнуть, предпочитая выждать и не поставить на неверную лошадь.

Цайжэнь Лю продержалась дольше всех, что и вскружило ей голову. И из-за этого к ней потянулись многие.

...А вдруг именно она та, кто сможет удержать Его Величество?

Матушка Мин была одной из них.

Хоть её и звали матушкой, ей не было и сорока. С тех пор как три года назад она попала в Северные покои, она мечтала выбраться отсюда.

В отличие от старого пса Чэнь Миндэ, её честолюбие ещё не угасло.

Её приёмная дочь служила во дворце Цайжэнь Лю. Хоть и была служанкой второго ранга и не имела прямого доступа к госпоже, но всё же была ближе к событиям, чем остальные.

Цайжэнь Лю была высокомерна, и её желание отведать суп из хурмы, как и замысел Цянь Циня, не были для матушки Мин секретом.

Она сама вышла на Цянь Циня.

Он хотел сбросить с себя проблему, а она — услужить, подсунув ему подходящую пешку.

Когда она только прибыла в Северные покои, Чэнь Миндэ лежал в жару.

По правилам, такого больного слугу должны были вынести умирать.

Но этому старому псу повезло. Он был в Северных покоях, где и на смерть господ никто не обращал внимания, не то что на слуг.

Пока никто не доложит, он мог спокойно отлёживаться.

И ему повезло, что среди молодых евнухов нашёлся тот, кто немного разобрался в лекарствах и сумел его выводить.

Этим человеком был Цзинчжэ.

Тогда Чэнь Миндэ выжил благодаря его сомнительным отварам. Иначе с чего бы этому старому псу так опекать какого-то мальчишку?

Матушка Мин помнила об этом, помнила о происхождении Цзинчжэ и о том, что он тогда готовил суп из хурмы. Поэтому выбор пал на него.

Если удастся выбраться из Северных покоев, то что ей до обиды Чэнь Миндэ? К тому же... он никогда не пойдёт с ней на открытый конфликт из-за Цзинчжэ.

И она оказалась права.

Чэнь Миндэ, хоть и был зол, не стал ей мешать. Дело касалось Цянь Циня, и, чтобы остановить это, старому псу пришлось бы пойти на большие жертвы.

А он на это не способен!

Но матушка Мин рассчитала всё, кроме финала!

Как могла Цайжэнь Лю, ещё вчера купавшаяся в лучах славы, сегодня умереть?!

— Ты сегодня должна была идти с Чаншоу? — внезапно спросила она.

Хэ Е кивнула.

— Узнай всё, что сможешь. Как можно больше.

Хэ Е помедлила, но кивнула.

Когда она ушла, лицо матушки Мин окончательно осунулось.

Во всём дворце самым страшным человеком был, конечно же, император Цзинъюань. И случившееся внушало всем первобытный ужас.

Кто знает, что у него на уме?

Вернувшись к себе, Цзинчжэ почувствовал облегчение.

Раз Цайжэнь Лю и Цянь Цинь мертвы, на Императорской кухне начнётся суматоха, и о нём больше не вспомнят. То, что они вообще прислали гонца, уже было большим одолжением.

...Может ли быть, что их смерть связана с тем, о чём так боялся говорить Чэнь Миндэ?

Цзинчжэ вздохнул.

Ему бы самому выжить, куда уж тут думать о других.

Он закончил уборку в Северных покоях, долил горячего чая господам и только тогда вернулся в свою комнату. У двери его уже ждал Саньшунь с глуповатой улыбкой.

— Цзинчжэ, я тебе воды нагрел.

— Я же говорил, не нужно. Я сам могу.

— Нет, я сильный, а ты — нет, — покачал головой Саньшунь. — Иди скорее, я постерегу, никого не пущу.

Из комнаты донёлся смешок Чаншоу.

— Ну и дубина. Да кому он нужен? У меня что, своей воды нет?

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Ую. — Это потому, что ты однажды вломился, зная, что ему это не нравится. Сам виноват.

С тех пор как Цзинчжэ выходил Чэнь Миндэ, не только отношение старого евнуха к нему изменилось, но и Саньшунь стал о нём заботиться, всегда берясь за самую тяжёлую работу.

Цзинчжэ любил чистоту и даже зимой старался обтираться. Но у него была странность: он никогда не мылся в присутствии других, из-за чего у него даже был конфликт с Чаншоу.

Саньшунь, грея воду для Чэнь Миндэ, всегда грел и для Цзинчжэ, и даже стоял на страже.

На насмешки из комнаты он не обращал внимания, живя своей, непроницаемой жизнью. Цзинчжэ нахмурился и бросил взгляд на говоривших. Ую толкнул Чаншоу, заставляя его замолчать.

Когда Цзинчжэ, взяв одежду, ушёл, Чаншоу не выдержал:

— Зачем ты меня остановил? Боишься их?

— Твой язык тебя до добра не доведёт. Какое тебе до них дело? — Ую тоже не нравились выходки Чаншоу, но они пришли во дворец в один год и были ближе друг к другу. — Саньшунь — человек дедушки Дэ. Ты его унижаешь, думаешь, дедушке Дэ это понравится?

Чаншоу надулся.

Он недолюбливал Саньшуня. Если бы тогда Чэнь Миндэ выбрал не его, то сейчас на его месте был бы он!

Цзинчжэ с трудом уговорил Саньшуня уйти.

Каждый раз, когда тот стоял на страже, Цзинчжэ мучился угрызениями совести.

Он осторожно закрыл дверь и окна, чтобы в случае чего успеть спрятаться, и только тогда вздохнул с облегчением.

В его осторожности не было ничего удивительного. Когда он снял одежду и погрузился в бадью, его нагое тело красноречиво говорило о том, чем он отличался от Чаншоу и остальных.

Цзинчжэ не был оскoплён.

Он попал во дворец по другой причине — это была последняя попытка семьи спасти ему жизнь. Хотя он предпочёл бы умереть вместе с родными, чем влачить такое существование... но такова была последняя воля его родителей.

Когда он был ребёнком, его семью постигло несчастье.

Он смутно помнил, что перед этим его отец был замешан в каком-то деле, которое вёл чиновник по фамилии Хуан.

Семья Хуан была семьёй мачехи покойного императора.

Тот чиновник Хуан, ныне министр финансов, был братом той самой мачехи, нынешней Вдовствующей императрицы из дворца Шоукан.

Всю его семью казнили. Сказать, что семья Хуан тут ни при чём, было бы невозможно.

Но у Цзинчжэ не было доказательств, лишь догадки.

Родители, боясь, что он погубит себя в попытке отомстить, перед смертью ничего ему не рассказали. И ему оставалось лишь бороться за жизнь.

Он ни за что не станет помогать принцу Жую!

Вода была холодной, и он не стал долго мыться.

Одеваясь, он посмотрел на свою спину.

Следы давно прошли, но Цзинчжэ по какой-то причине каждый раз, моясь, осматривал её.

Надо отдать должное Жун Цзю.

Для мужчины подобное было бы отвратительно, тем более с евнухом.

Но за эти месяцы их редких встреч Жун Цзю вёл себя спокойно, словно ничего не произошло.

Когда Цзинчжэ вышел, его уже ждал Минъюй.

В Северных покоях было всего шесть молодых евнухов.

Чаншоу и Ую были из последнего набора, потом пришли Цзинчжэ и Минъюй, а самыми старшими были Цитуй и Баци, им было уже за двадцать.

С Минъюем у Цзинчжэ были самые тёплые отношения.

Он вытирал волосы, а Минъюй помогал ему вынести выстиранную одежду. В комнате было тепло, а снаружи — леденящий холод. Это было одно из преимуществ жизни в Северных покоях — никто не следил, и можно было мыться в отдельной комнате.

— Зачем ты вышел? — спросил Цзинчжэ. — Холодно же.

В Северных покоях было мало дел. Господа, за исключением одной сварливой особы, жили своей унылой жизнью и зимой предпочитали не выходить, лишь иногда болтая со служанками.

А молодые евнухи любили отсиживаться в своих комнатах. Хоть и без угля, но за закрытыми дверями было теплее, чем на улице.

— Не хочу их слушать, — ответил Миньюй. Он выполнил кое-какие поручения у господ и пришёл к Цзинчжэ, лишь бы не оставаться в комнате.

Цзинчжэ понял, что Чаншоу опять распустил язык.

Они пошли обратно бок о бок.

— Я слышал от Баци, ты вчера снова встретил того стражника?

— Да, была его очередь патрулировать.

— Цзинчжэ, этот Жун Цзю выглядит непростым...

Они почти дошли до своей комнаты, и Цзинчжэ остановился.

— Что такое?

— Ты редко выходишь, мало кого видел. Но та аура, что исходит от него... мне кажется, даже у начальника стражи такой нет. Я думаю, такой человек не останется простым стражником... — сбивчиво проговорил Миньюй.

Многие чиновники дорожили своей репутацией и избегали тесной связи с евнухами. Если станет известно, их могут осудить. Сейчас Цзинчжэ и Жун Цзю вроде бы дружат. Но если Жун Цзю добьётся высокого положения и сочтёт эту дружбу позором, то Цзинчжэ, простой евнух, ничего не сможет сделать.

Цзинчжэ усмехнулся и указал на себя.

— Если он и вправду возвысится и перестанет меня замечать, то что? Я всего лишь евнух из Северных покоев, без власти и положения. Он просто перестанет приходить, а я же не стану его искать. Зачем ему со мной расправляться?

Стражники могли покидать дворец, а они — нет.

Миньюй подумал и кивнул.

— Ты прав. — Затем он улыбнулся. — А может, он и не добьётся ничего.

— Почему ты так думаешь?

— У него ужасный характер.

Он оглядел Цзинчжэ с ног до головы.

— Только ты, с твоим ангельским терпением, можешь его выносить.

Человеку с плохим характером трудно продвинуться во дворце.

Это правило действовало везде, в том числе и при дворе.

Миньюй видел Жун Цзю всего дважды, но понял, что такой человек никогда не станет унижаться.

Цзинчжэ рассмеялся:

— Если есть талант, то характер не имеет значения.

— Ну, не скажи, — покачал головой Миньюй. — Если у кого-то есть связи, он легко его обойдёт. Разве служба в Северных покоях — это хорошая должность?

Цзинчжэ хотел было ответить, как услышал шаркающие шаги. Подняв голову, он увидел Чаншоу, еле стоявшего на ногах. За ним, с испуганным лицом, бежала Хэ Е, словно за ними гнались.

Цзинчжэ и Миньюй переглянулись и поспешили к ним.

— Что случилось?

Хэ Е, сжимая в руках коробку с едой, чуть не плача, проговорила:

— Чаншоу избили.

Цзинчжэ уже поддерживал Чаншоу.

Стоило ему коснуться его руки, как тот закричал от боли. Хотя одежда на нём была чистой, он

выглядел так, будто умирает. Цзинчжэ нахмурился и закатал ему рукав. От холода по коже пробежали мурашки, но так он смог увидеть, что вся рука покрыта синяками.

Услышав шум, вышел Ую. Они завели Чаншоу внутрь, а сами поспешили разнести еду.

Лишь спустя некоторое время, избив все ноги, они узнали от Чаншоу и Хэ Е, что произошло.

Сегодня они, как обычно, пошли за едой. По дороге Хэ Е сказала, что ей нужно отойти. Чаншоу был недоволен, но отпустил её.

Когда Хэ Е вернулась на условленное место, она увидела, как несколько человек окружили Чаншоу. Рядом стояла старшая служанка в зелёном дворцовом платье, с брезгливым выражением на милостивом лице.

А Чаншоу уже кричал от боли.

Хэ Е не решилась подойти и спряталась. Лишь когда все ушли, она вышла.

Чаншоу избили так, что он не мог поднять руки. К счастью, коробка с едой не пострадала, и Хэ Е принесла её обратно.

— Кого ты умудрился разозлить? — спросили все, окружив его.

Чаншоу, с лицом, мокрым от слёз, сидел, пока Ую смазывал ему синяки. При каждом прикосновении он вскрикивал.

— Это люди из дворца Чэнхуань.

Сердце Цзинчжэ ёкнуло.

— Дворец Чэнхуань... ты разозлил Бинь Сюй?

Лицо Чаншоу сморщилось, как кислый апельсин.

— Да где мне! Я ждал Хэ Е, когда мимо проходили слуги из дворца Чэнхуань. И вдруг та старшая служанка, как с цепи сорвалась, спрашивает, из Северных ли я покоев.

Чаншоу, естественно, подтвердил. Тогда она спросила, есть ли в Северных покоях красивый и изящный молодой евнух.

Чаншоу долго думал, но так никого и не вспомнил.

Самым красивым в Северных покоях был, конечно, Цзинчжэ, но не настолько, чтобы описывать его как неземное создание. Он ответил, что таких нет.

И тогда служанка тут же изменилась в лице, обвинила его во лжи и приказала избить.

Ую, закончив с мазью, озадаченно спросил:

— Что за дела? Зачем людям из дворца Чэнхуань искать кого-то в Северных покоях?

Другая служанка, Ханьдань, покачала головой.

— Обычно на нас и внимания не обращают. Может, кто-то набедокурил снаружи и свалил вину на нас?

— Решили, что мы здесь в глуши, и за нас некому заступиться.

Все были напуганы. Если бы Чэнь Миндэ и матушка Мин узнали, они бы не стали вмешиваться. Им было наплевать на свою репутацию, да и справедливости всё равно не добиться.

Ую помог Чаншоу лечь. Миньюй, обернувшись, увидел, что Цзинчжэ застыл в раздумьях, и потянул его в комнату.

— Что ты стоишь на сквозняке? Заходи скорее, закрой дверь.

Встретившись с обеспокоенным взглядом Миньюя, Цзинчжэ заставил себя улыбнуться и сел на свою кровать. Но сердце бешено колотилось.

Та старшая служанка, должно быть, была Цю И, та самая, что остановила его в тот день.

Тогда два задания системы провалились одно за другим, и первым наказанием был бафф «всеобщей любви». Первыми, кого он встретил, были слуги из дворца Чэнхуань, которые потом гнались за ним по всему дворцу.

Такое не забывается.

Цю И всё ещё ищет его? Почему?

Неужели это остаточное действие баффа?

Раньше Цзинчжэ старался игнорировать систему, считая её злым духом, но теперь, из-за этого происшествия, ему пришлось отнестись к ней серьёзно.

«После окончания действия наказания могут ли оставаться последствия?» — впервые после той ссоры он обратился к системе.

Он спросил мысленно, не зная, ответит ли она.

[После исчезновения баффа эффект ослабевает постепенно. У всех по-разному, у кого-то быстрее, у кого-то дольше.]

Система ответила.

Цзинчжэ всё ещё не привык к голосу в своей голове и невольно съёжился, обдумывая её слова.

...Эффект ослабевает постепенно?

Его лицо изменилось. Постойте, а Жун Цзю?

<http://bllate.org/book/16993/1581123>